

Андрей Лазарчук

Параграф 78

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Л17

Лазарчук А.

Л17 Параграф 78 / Андрей Лазарчук. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2022.— 236 с.

ISBN 978-5-521-73911-0

Андрей Лазарчук — живой классик русской фантастики, ученик братьев Стругацких и создатель собственной литературной школы, лауреат всех основных премий в своем жанре. Однако сам писатель полагает, что его произведения не являются фантастикой как таковой. Определяя собственный художественный метод, он называет его «турбореализмом».

Не такое уж и далекое будущее — всеобщая глобализация, военные конфликты почти исчезли, боулинг включен в программу олимпийских игр... но все ли так безоблачно? Зачем собирается отряд международного спецназа, последние суперпрофессионалы? Какие секреты хранятся в подземельях военной базы? И что гласит 78-й параграф Экспедиционного Устава? Ответы на все эти и другие вопросы — в романе Андрея Лазарчука.

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-521-73911-0

© Лазарчук А. Г., 2021
© Оформление.

АО «Т8 Издательские технологии», 2022

Скоро выдохнешь ты, и дыхание твое прекратится. Ты увидишь предвечный Чистый Свет. Невероятный перед тобой распахнется простор, безбрежный, подобный океану без волн под сияющим небом.

Как пушинка будешь плыть ты, свободный, один!

Не отвлекайся, не ликуй, не бойся! Это миг твоей смерти! Дорожи смертью, ибо в ней состоит великий выбор. Сохраняя ясность мысли, не замутняя ее даже состраданием. И пусть любовь твоя станет бесстрастной.

* * *

А если возродиться тебе предстоит в Аду, ты услышишь чудное притягательное пение, которое повлечет тебя к себе с неодолимой силой кармы. Сопротивляйся изо всех сил! Ад – это место, где черные дома, голые белые стены, черные дороги и бездонные пропасти. Там ты будешь страдать веками...

Бардо Тодол, тибетская Книга мертвых

–3.

Так вот ты какая, вечность...

Цифры твои горят рубином: 00:00:04 — не меняясь уже много лет. И я знаю, что еще не раз вспомню все, что захочу, а что мне помнится лучше всего, вспомню сто и тысячу раз. Я стал подобен воннегутовскому Бил-

ли Пилигриму: могу перемещаться по своей жизни в любую точку. Вперед и назад. И даже отходить — не слишком далеко — в стороны. Не слишком далеко — отчасти потому, что боюсь не найти обратной дороги... Разве что час зачатия я не помню. А может, и помню, просто не могу передать, как это было, — не придумано слов. А до смерти мне еще далеко: когда станет 00:00:00 — и потом еще сколько-то тысячелетий будет идти сюда пламенный фронт. Я не стану этого ждать, а просто возьму и вернусь куда-нибудь... ну, скажем, лет в шесть. Мы на рыбалке с отцом, этот пруд тогда казался мне огромным, а пятикопеечные карасики, которые водились в нем — настоящей рыбой. Стрекоза садится на перо поплавка, и поплавок медленно тонет... Две старые ивы, справа и слева от нас, с такой невероятной морщинистой корой, похожей на шкуру носорога, и вытоптаный кусок берега напротив: там к водопою гоняют деревенское стадо. Мы сидим с отцом рядом на доске и жуем бутерброды, запивая их сладким чаем из термоса.

Через год отец утонет — он, призовой пловец, утонет на мелком месте в двух шагах от берега, оступится в ямке, хлебнет и мгновенно задохнется: синкопическое утопление, так это называется. Спазм голосовых связок: они страшно натягиваются и перестают пропускать воздух. И мы на некоторое время останемся втроем: мать, Катька и я. Потом будет и другая жизнь, хуже, лучше — не знаю. Но другая.

Потом третья, четвертая, пятая...

Пятая, кажется, стала последней. Зато она никогда не кончится.

Бесконечность жизни — это во-первых. Во-вторых — практическое всеведение.

Я могу вспомнить все, все детали, вплоть до микроскопических, и как бы развернуть в уме панораму события, чтобы увидеть то, чего в момент самого события не видел или не успел заметить. Или успел, но не понял, что это такое. Или не захотел понять. Я могу быть бесстрастным, потому что мне уже все равно.

В-третьих, я ничего не могу изменить, я не могу шевельнуться, сердце мое не бьется, глаза не мигают. И даже цифры передо мной не меняются: 00:00:04. Бессмертие, всеведение, бессилие.

Всемильность? А почему бы нет? Я ни на кого не держу зла. Даже на тех, кто меня убил.

Да, и еще: возможно, я теперь гений. Я вижу связи между событиями, которые на первый-второй-десятый взгляды между собой и не связаны вовсе, а оказывается — связаны-таки, но настолько сложной и запутанной цепочкой причин и следствий, что ни один аналитический отдел не разберет и за год работы. А я — просто вижу. Так что Док не соврал. Мы ему тогда не поверили, но он точно не врал. Просто пытался кое-что утаить. А может быть, ему всего лишь очень хотелось ошибиться.

Но он не ошибся. И не соврал.

–2.

С тем, что живет во мне, я могу сделать все. Все, что захочу. Это такой конструктор. Я могу заново и нацело смонтировать мою жизнь — по минутам, как была, или даже по секундам — и с гиперссылками. Которые объясняли бы каждую из секунд. Могу изъять себя из собы-

тий и посмотреть, как все развивалось бы без меня. Могу что-то еще изменить — и тоже посмотреть, на что это повлияет.

Знаю, что могу, потому что все это я уже делал.

Много раз.

-1.

И еще — я могу создавать в себе другие личности. Это началось само по себе — довольно давно, на таймере было 00:00:06, — и тогда меня испугало. Есть же такой стереотип: раздвоение личности — одна из граней безумия. Так что я постарался взять этот процесс под контроль. И теперь все эти чужие сознания, которые живут во мне, как рыбы в океане, — они все мне знакомы. Кого-то из них я люблю больше, кого-то меньше. Но нет ни одного, кого я не любил бы совсем. Я никогда не заведу себе подопытного Иова, чтобы изучить на его примере, как из зла создается кромешная любовь.

Нет, вру. Один такой нелюбимый есть. Это я сам.

Сейчас я уже могу себе в этом признаться.

Но это я сам последних нескольких месяцев. Еще тех, календарных. Тех времен, когда было время, и времени было достаточно.

Думаю, что все остальные — это тоже я. Даже панна Гертруда. Даже неандертальский мальчик.

Как много всего из меня могло бы получиться, оказывается...

Но получилось, как всегда, самое простое и самое неприязнительное. А заодно и неизлечимо больное. Но теперь это уже не имеет значения.

А ведь совсем недавно имело.
Смешно.

Неандертальский мальчик спит у камина в моем загородном дворце. Я иногда снюсь ему в виде огромного доброго дядьки, одетого в облако. От меня хорошо пахнет. Наяву ему помогают две простодушные деревенские тетушки, добрые и надежные. Он уже умеет говорить, ухаживать за собой, есть с помощью ложки. Любит мыться. Любит книжки с картинками. Любит, когда ему из них читают.

Но спит он только на ковре у камина. Ковер толстый, нога в нем тонет чуть не по колено. Мальчику это нравится.

Сначала я хотел рассказать эту историю ему, а потом подумал: нет, не надо. Пусть хотя бы для него мир окажется добрым.

Тогда я рассказал ее самому себе — пятнадцатилетнему. Я мыл машины богатых парней и мечтал о том, как этих парней перебить.

Постепенно они сами друг друга перебили...

Я рассказал ее один раз, потом сделал так, как будто не рассказывал, и рассказал еще. И еще, и еще, и еще. Мне нравилось, как он слушал. Какие у него были глаза.

Я рассказываю, а потом заставляю забывать. Снова рассказываю. Я, как шахматист, отрабатывающий дебют, отрабатываю свое поражение.

Что, никак не могу успокоиться?

Не знаю.

0.

За условное начало я решил взять тот случай, после которого группу «Мангуст-4/4» расформировали, бой-

цов поувольняли как бы по сокращению, а я огреб полный ящик помидоров.

То есть на самом-то деле можно было взять некий момент раньше: когда в группу перевелась Лиса, например; или когда Скиф, еще только-только лейтенант, вдруг почувствовал в промежности зуд, а в РК-54 — маршальский жезл. Я в тот раз просто начистил ему рыло — с глазу на глаз. Хорошо, что он не успел наворотить ничего непоправимого.

А главное: никто, кроме меня, ничего в тот раз не понял. И не надо.

А можно — взять немного позже. Когда мне поставили диагноз и сказали примерный срок. Когда с объекта «304» пришел странный сигнал. Когда...

Это пропустим.

В общем, я подумал и решил взять за отправную точку тот дурацкий со всех точек зрения случай. Нипочему. Просто решил.

Mea vole, mea culpa.

Что в переводе означает: я начальник, я и отвечу за все.

Еще: разумеется, я не мог знать все онлайн. Я многое знал — больше, чем это положено командиру моего весьма среднего звена, — о многом догадывался и еще больше — тупо вычислял. Так вот, то, что я буду рассказывать, состоит примерно на треть из того, что я прямо и непосредственно знал в момент событий, на треть — из того, что смог вычислить, вспомнить и сопоставить позже, но еще будучи в... как бы правильно сказать?... в неизменном состоянии. Наконец, последняя треть — это то, что я вычленил из того массива знаний, который стал доступен мне позже, в самом начале вечности. Может быть, я вычленил не все, может быть, до чего-то просто не дотянулся... Но не думаю, что там, в далеких уголках

памяти, за прикрытыми (хотя и не запертыми) дверями, в ненадписанных коробках и безымянных папках, хранится нечто такое, что сильно повлияло бы на смысл этой истории. И я бы охотно обошелся вообще без этой последней трети, но — не получается, слишком много белых пятен и непонятных связей. То есть если рассказать только то, что было, почти все останется не только непонятным, а — неправильным, кривым, нелогичным.

Собственно, таким оно мне долго и казалось...

Это я сейчас всеведущ. Тогда я таким не был.

Сейчас я бессмертен, тогда я умирал. Я не показывал виду, но знал, что умираю.

Наконец, тогда я еще никого не простил.

И последнее: я буду стараться делать вид, что не знаю настоящих имен ребят (потому что так положено по инструкции: только оперативные псевдонимы и личные номера), что я не имею права разглашать тайны, что я связан инструкциями и уставами. Метод Станиславского: сами придумайте себя и потом живите строго по-придуманному, а иначе получится лажа.

Впрочем, лажа получится в любом случае. Никогда еще жизнь человека — любого — не заканчивалась как-то иначе. Человек проигрывает всегда.

Закон сохранения смерти.

Все. «Время. Начинаю про Гудвина рассказ...»

Гудвин — это я.

1.

Новые маскировочные комбинезоны оказались дерьмом — да, они неплохо сливались с грунтом, с трех шагов не разобрать, что перед тобой: валун или чело-

век, — но температуру не держали совершенно, к двум часа дня у меня уже почти полгруппы было санитарных потерь: тепловые удары. Весна весной, а климат климатом: ночи здесь сравнительно холодные, но днем докатывает до сорока в тени, а полежи-ка на солнце?.. Соболь, оклемавшись, приполз обратно, а вот Спам, Гризли и Хряп так и провалялись в тенечке до конца операции, и Хряпа медики сразу после этого дела списали, он и раньше сдавал, это был не первый такой случай у него.

Мы со Скифом лежали в ежевике на краю обрыва и смотрели вниз. Нас интересовал вон тот особнячок с садом, потому что в нем, во-первых, был заводик по изготовлению «джана» — это такой опиат-полусинтетик, который курят, он тогда в моду вошел и у публики, поскольку применение уж очень простое и беспроблемное, и у дилеров — на него в тот момент еще не было индикатора, и собачки его не унюхивали, так что потери на трансферте оказывались минимальными. А во-вторых, сегодня в этом особнячке должны были собраться главы четырех «трестов», так теперь банды называются, и о чем-то своем договориться, и нам нужно было троих ликвидировать до приезда четвертого, которого по дороге специально задержат; это должно было перевести на него стрелки и в итоге вызвать войну между трестами. Задерживала его другая группа, резидентная, и справились они блестяще, все так-в-тик, а вот мы облажались.

(Впрочем, война все равно началась — ну, по другому сценарию, делов-то. Но начальству разве до деталей есть дело? Приказ не выполнен? Выполнен, товарищ генерал, но криво. Понятно, понятно, вот тебе чу-